

Елена Арсеньева

Роковая любовь (Нинон де Ланкло, Франция)

Часть сборника
*Преступления страсти. Месть
за любовь (сборник)*

Елена Арсеньева
Роковая любовь (Нинон
де Ланкло, Франция)
Серия «Преступления
страсти. Месть за любовь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161597

Аннотация

«— Нинон... Боже мой! Нинон, вы ли это? Помните меня?

— Маркиз де Жерсей... Неужели вы думаете, что я могла забыть вас? Я вас узнала с первого взгляда!

— Вы мне льстите, дорогая, ведь за те двадцать лет, что мы не виделись, я порядком постарел...»

Елена Арсеньева

Роковая любовь

(Нинон де Ланкло, Франция)

– Нинон... Боже мой! Нинон, вы ли это? Помните меня?

– Маркиз де Жерсей... Неужели вы думаете, что я могла забыть вас? Я вас узнала с первого взгляда!

– Вы мне льстите, дорогая, ведь за те двадцать лет, что мы не виделись, я порядком постарел.

– Все стареют, маркиз, все стареют... – проговорила изящная дама с яркими синими глазами, нежным лицом и темными, небрежно уложенными кудрями. Она была поразительно хороша, и редкий мужчина, гуляющий в ту пору по Тюильри, не задерживал на ней восхищенного взгляда.

– Все, кроме вас, прекраснейшая! – усмехнулся человек с лицом, столь щедро изборожденным морщинами, что оно казалось изрезанным резцом. – Вы все такая же, вы все такая же, какой были во время наших незабываемых свиданий. Ничуть не изменились! Увидев вас, я уж решил было, что годы обратились вспять. Этих двадцати лет как не бывало!

– Что?! – раздался рядом недоверчивый возглас, и прекрасная дама повернула голову.

На нее изумленно и восторженно смотрел молодой человек, одетый столь же роскошно и изысканно, как и маркиз де Жерсей. Вообще между ними наблюдалось изрядное сходство, вот только глаза у молодого человека были не темными, как у маркиза, а синими, чем-то напоминающими глаза дамы.

— Дорогая моя, — сказал де Жерсей, — позвольте вам представить моего воспитанника. Альберт де Вилье — сын одной... одной моей давней приятельницы, которой... которой давно нет с нами. Я был в некотором долгу перед его матерью, а потому присматриваю за ним. Прошу извинить неотесанность молодого человека, он буквально несколько дней назад прибыл из провинции, из моего бургундского имения. У меня хватило времени только отправить его к хорошему портному и куаферу, однако заниматься его манерами было пока недосуг. Поэтому он и позволил себе прервать нашу беседу.

— Да будь я воспитан при дворе и проходи курс хороших манер у самого шевалье де Лозена, которого считали воплощением куртуазности, и то я потерял бы власть над собой, увидев вас, мадам де Ланкло! — пылко и вполне комично воскликнул юноша.

У него был приятный голос, правильные черты, чудесная улыбка. Но самым красивым в его лице были все же глаза.

— О, вы знаете меня? — улыбнулась дама, которую и в самом деле звали Нинон де Ланкло. — Однако не стоит назы-

вать меня мадам. Я никогда не связывала себя узами брака.

— И материнских чувств... — пробормотал де Жерсей, как пишут драматурги, «в сторону».

— Это потому, что нет на свете мужчины, который оказался бы достоин такой красавицы, как вы, мадемуазель! — пылко воскликнул Альберт. Он, кажется, не слышал слов своего опекуна, а если даже и слышал, то не обратил на них никакого внимания.

Однако слуха Нинон они явно достигли, потому что она повернулась к Жерсею и чуть приподняла брови. Тот в ответ еле заметно кивнул.

По лицу Нинон прошла тень, что вряд ли кто мог заметить: красавица безупречно владела собой. Миг — и лицо ее выражало все то же милое спокойствие, которое составляло неперемennую часть его очарования.

— Ну что ж, маркиз, — проговорила Нинон приветливо, — я рада, что вы вернулись в Париж. Надеюсь видеть вас у себя на улице Турнель.

— Можете не называть вашего адреса, — улыбнулся маркиз. — Я помню его. Помнил все годы и мечтал снова побывать в вашем уютном домике. Благодарю за приглашение.

— Благодарю за согласие навестить меня, — улыбнулась Нинон, подавая ему руку для поцелуя. — И приводите с собой вашего протеже, — проговорила она, любезно улыбаясь, и лишь тот, кто знал ее очень, очень хорошо, расслышал бы в последних словах нотку принуждения и понял, что Нинон

просто отдает дань вежливости. Но радость, которой оза-
рилось лицо молодого человека, невольно тронула ее, она
улыбнулась...

При виде этой улыбки Альберт де Вилье метнулся впе-
ред, едва не оттолкнув своего патрона, и упоенно припал к
тонким пальцам Нинон, обтянутым перчаткой и униженным
перстнями. Над его склоненной головой маркиз и Нинон об-
менялись взглядами. В глазах красавицы снова мелькнула
тревога, но де Жерсей так лукаво подмигнул, так заразитель-
но ухмыльнулся, что Нинон не могла не улыбнуться в ответ,
и тревога ее прошла, словно и не появлялась.

А между тем тревога была вещая, и прекрасная Нинон
еще вспомнит тот день как один из самых несчастных в сво-
ей жизни. Однако ей было чуждо чувство предвидения, она
никогда не отягощала себя избыточными размышлениями...
может быть, потому и была так красива – так невероятно
красива! – и выглядела столь молодо... ну не более чем на
тридцать... а между тем ей было уже пятьдесят шесть.

Да, беззаботность – одна из лучших помощниц красоты!

Беззаботность частенько ассоциируют с глупостью, но уж
глупой-то Нинон (так маленькую Анн де Ланкло называли
родители, и это кокетливое имя всю жизнь шло ей куда боль-
ше, чем высокомерное Анн), кажется, никогда в жизни не
была, даже во младенчестве. Ее отец, туренский дворянин
Анри де Ланкло, женился на девушке, урожденной Ракони,

из древней орлеанской фамилии. Потом они переехали в Париж, и здесь-то 15 мая 1616 года родилась на свет их девочка – маленькая, хрупкая, словно цветок или фарфоровая игрушка.

Нинон росла словно бы меж двух огней. С одной стороны, ее баловали безмерно. Анри де Ланкло по взглядам своим был типичный философ-эпикурец, который превыше всего ставил свое удовольствие, мало заботясь о том, что скажет свет. К такому же наплевательскому отношению к людской молве и к заботе (вернее, *незаботе*) о доброй репутации он приучил дочь. А вот матушка всегда помнила о своем знатном происхождении и была самых строгих правил, высокой нравственности и крайней религиозности. Она мечтала, что Нинон станет монахиней... но жизнь вдребезги разбила мечты матери. Нинон не усвоила никакого страха перед неумолимым Провидением и, может быть, поэтому стала однажды жертвой его мести. Но это случится еще не скоро, а пока ей гораздо более по сердцу была та легкая и приятная жизненная философия, которую внушал отец. Музыка, пение, танцы, декламация прелестных стихов – вот чему ее учили по настоянию Анри де Ланкло. Однако сама Нинон утаскивала из отцовской библиотеки Платона и пыталась проникнуть в суть его философии. Если и не проникла, то нахваталась склонности к отвлеченным рассуждениям, чем потом, гораздо позднее, поражала мужчин, которые не ожидали встретить даже подобие ума в ее хорошенькой головке. В те вре-

мена ум в женщине был не только не нужен, а считался даже чем-то предосудительным. Женщине следовало быть разумной, расчетливой, сообразительной, но совсем даже не умной. Потому Нинон скрывала свое знакомство с Платоном, а ее собственная библиотека состояла из сборников модных стихотворений – элегических, любовных и шуточных – и таких сочинений, как «Искусство нравиться и любить», «Истории знаменитых своим легкомыслием или любовью женщин» и многие другие. Обладая изумительной памятью, она знала почти наизусть все прочитанные книги и знай пересыпала свою речь сведениями, из них почерпнутыми. Это, конечно, до слез огорчало ее дорогую матушку и казалось ей греховным.

Ну а вкусы Нинон в одежде доводили мадам Ланкло до слез. Она уповала лишь на то, что своенравная девица выйдет замуж – и супруг заставит ее посерьезнеть. Небось при законном муже не больно-то побегаешь в платье с декольте чуть не до пупа! Матушка втихомолку присматривала для дочери жениха среди отпрысков семей самых суровых нравов, искренне полагая, что действует к ее пользе. Ей и в голову не приходило посоветоваться с Нинон, иначе она узнала бы, что напрасно тратит время. Уже тогда у Нинон сформировались совершенно четкие взгляды на то, как и по какому принципу нужно искать супруга. Позднее, усвоив склонность к отточенным фразам, она выразит эту мысль в следующем афоризме: «Благоразумная женщина не избирает се-

бе мужа без согласия своего рассудка, как любовника без согласия своего сердца».

Своего рассудка... своего сердца... Нинон не намерена была ни отцу, ни матери позволить распоряжаться своей судьбой! К тому же все добропорядочные знакомые казались ей невыносимо скучными. Впрочем, она была не против добродетели и даже молилась иногда: «Боже, позволь мне стать добродетельным человеком – но не добродетельной женщиной!»

Своенравие дочери доводило до слез матушку, они беспрестанно ссорились. Но Анри де Ланкло оказался мудрее. У него были свои планы относительно красотки-дочери, и он постепенно, исподволь начал претворять их в жизнь, задумав сделать из нее светскую красавицу.

На такое понятие, как нравственность (пусть даже и собственного дитяти), он, повторимся, смотрел весьма снисходительно и даже, не побоимся так сказать, насмешливо. А потому однажды привел ее в квартал Марэ... Центром светской жизни в квартале Марэ была Королевская площадь (ныне площадь Вогезов). Прогулки, свидания, стычки мушкетеров с гвардейцами – вот что здесь обычно происходило. А кроме того, здесь находился некий дом, где собирались такие же, как мсье де Ланкло, любители жизненных удовольствий и сосредоточивалось все, что было в Париже прекрасного, изящного и богатого. Нинон немедленно провозгласили первой красавицей и начали за ней ухаживать. Судьба всякой

девушки из «Дома Эпикура» – так назывался клуб – была предрешена, однако некоторые молодые люди так влюбились в нее, что пожелали повести к алтарю. Однако она не имела ни малейших намерений связывать себя с вертопрахами, пусть даже весьма состоятельными. Узы брака безумно пугали ее – как и всякие другие узы. Она отказала всем – кроме одного. За ней начал ухаживать человек очень знатный, принадлежащий к древнему роду, – герцог Шатильон, Гаспар Колиньи, внучатый племянник знаменитого адмирала Гаспара Колиньи, убитого в Варфоломеевскую ночь. Когда молодой Колиньи встретился с Нинон, родители уже устраивали его брак с Елизаветой-Анжеликой де Монморанси, сестрой герцога Люксембургского. Однако Гаспар так очаровался Нинон, что решил жениться на ней. Анри де Лакло пришел в восторг, немедленно распростился со своей апологией свободной любви и благословил дочь. Однако он плохо знал собственное дитя! Когда Гаспар явился к девушке с предложением руки и сердца, она посоветовала ему жениться на мадемуазель де Монморанси, однако немедленно сделаться любовником мадемуазель де Ланкло.

– Во-первых, женившись на мне, вы восстановите против себя два знатных рода, – сказала рассудительная красавица. – Во-вторых... брак и любовь – это дым и пламя. Я вовсе не желаю, чтобы наши отношения были «задымлены», ведь я... люблю вас!

Не успел изумленный Гаспар опомниться, как она броси-

лась ему на шею, и спустя самое малое время, которое потребовалось для того, чтобы поднять юбки ей и расстегнуть кюлоты ему, стала любовницей молодого герцога.

Но поскольку, следуя убеждению самой Нинон, «женщины чаще отдаются по капризу, чем по любви», однажды ее каприз прошел, и любовники расстались.

Герцог очень страдал... но его страдания просто ничто по сравнению с горем доброго Анри де Ланкло. Он так и не смог оправиться от разочарования и вскоре покинул сей свет, совершенно не предполагая той блестящей карьеры, которую сделает дочь, и тех богатых урожаев, которые она пожнет на ниве любовной. Почти тотчас последовала за ним и высоко-нравная матушка, которая, наоборот, предвидела тот «тернистый путь», который пройдет ее дочь. Она могла только молить Господа наставить Нинон на путь истинный, однако Всевышний, похоже, был в ту минуту занят судьбой какого-то другого человека, потому что позволил Нинон вести себя так, как ей заблагорассудится.

Итак, «полное собрание человеческих совершенств», как называли Нинон многочисленные поклонники, осталась одна-одинешенька. Ей было шестнадцать... Ну и, разумеется, со всех сторон налетели покровители, как пчелы на великолепный цветок. Герцог Шатильон дал ей наилучшие рекомендации, и Нинон их блистательно оправдывала.

Она жила, не бедствуя. С наследства, оставленного отцом, Нинон получала ежегодно 10 000 ливров, кроме того, всегда

находились желающие осыпать ее подарками и золотом. Но в том-то и состояло отличие Нинон от прочих куртизанок того времени (к примеру, от ее подруги, знаменитой Марион Делорм) – она не брала денег от мужчин. «Любовь – самая рискованная торговля, – рассуждала она, – оттого-то банкротства в ней столь часты». Она никому не желала быть обязанной ничем, кроме нежных чувств и приятных воспоминаний. Строго говоря, ее и куртизанкой назвать было нельзя. Однако она обладала тем достоянием, которое ни за какие деньги не купишь: умом и хорошим вкусом, а потому вела себя достаточно скромно... и в то же время изысканно. «Скромность везде и во всем, – так полагала она. – Без этого качества самая красивая женщина возбудит к себе презрение со стороны самого снисходительного мужчины».

Скромность была одним из тех цветов, которыми себя украшала «изящная, превосходно сложенная брюнетка, с цветом лица ослепительной белизны, с легким румянцем, с большими синими глазами, в которых одновременно сквозили благопристойность, рассудительность, безумие и сладострастие, с ротиком, украшенным восхитительными зубками и очаровательной улыбкой. Нинон держалась с благородством, но без гордости, обладая поразительной грацией», – так описывал ее Сен-Эвремон, временный любовник, оставшийся на всю жизнь другом и воспевателем ее красоты и ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.